

ПРОЩАНИЕ С ДЕТСТВОМ

Я познакомилась с Майей в приемной своей частной практики. Стройная женщина с темными волосами, в которых мелькала первая седина, протянула мне руку, затем элегантно положила журнал на столик и проследовала за мной в кабинет. Она присела на дальний край дивана — не самое близкое место к моему креслу, но и не такое далекое, как кресло, которое предпочитают более отстраненные клиенты. Она поправила свой жакет (мы встретились в прохладный солнечный день в конце октября) и положила ногу на ногу. Когда она говорила, то слегка наклонялась вперед.

Во время нашего разговора по телефону Майя рассказала мне, что беспокоится из-за внезапной перемены в отношениях с Камиллой, ее двенадцатилетней дочерью. Я услышала знакомую историю, которую мы рассмотрим в абсолютно другом свете.

Майя рассказала, что еще два месяца назад Камилла была ее жизнерадостной и веселой подружкой. Девочка с удовольствием сопровождала маму на прогулках, в библиотеку, супермаркет или торговый центр, но с переходом в седьмой класс резко изменилась. Она возвращалась из школы и направлялась

прямым в свою комнату, закрывалась там и переписывалась со своими друзьями до тех пор, пока ее не звали ужинать. Растерянная Майя рассказала, что девочка молча садилась за стол и односложно отвечала на вопросы о прошедшем дне. Хотя Камилла говорила очень мало, она вела себя так, как будто родители задавали самые глупые вопросы в мире и ей меньше всего хотелось ужинать с ними.

Иногда Майя с мужем замечали короткое возвращение прежней Камиллы. Когда женщина описывала эти моменты, ее глаза наполнялись слезами. Но в основном Майя злилась на Камиллу из-за такой холодности и скучала по теплым отношениям со своей любимой девочкой. Друзья Майи утверждали, что с Камиллой «все в порядке» и «подростки часто ссорятся с родителями». Все же Майя решила позвонить мне, поскольку опасалась, что произошло что-то плохое.

Друзья Майи были правы, но их мышление было слишком ограниченным, а точка зрения — субъективной. Они не видели картину целиком. Девочки не ругаются с родителями просто так. Они отдаляются, чтобы начать свой путь по одной из семи линий подросткового развития — линии прощания с детством. Примерно в возрасте двенадцати лет многие дети внезапно испытывают внезапное желание отделиться — из-за этого они стараются отстраниться от всего, что напоминает им о детстве. Майя на своем опыте узнала, что к таким вещам в первую очередь относятся хорошие отношения

с родителями. Девочки не всегда начинают свое развитие с этой линии, но родителям нельзя упускать ее из виду. Когда девочки отдаляются от своих мам и пап, то словно заявляют: «Возможно, вы не заметили, но я уже подросток!»

Если перестать считать такое поведение личным неприятием, мы поймем, что при прощании с детством нашим дочерям предстоит достичь многого за короткий промежуток времени. Они должны покинуть пункт А, в котором они с радостью держали нас за руку и дурачились на людях, и оказаться в пункте Б, в котором они доказывают свою независимость и самостоятельность. Они становятся юными девушками и отказываются от легкомысленности в пользу более зрелого поведения (по крайней мере в окружении незнакомых людей). Чтобы достичь успеха на этом этапе, девочки перестают делиться с нами своими секретами, злятся, если мы называем их ласковыми прозвищами, и дают понять, что оказывают нам услугу, соглашаясь посетить семейный праздник. Но расставание девочки с детством затрагивает не только отношения с родителями. Она может начать экспериментировать с макияжем, внезапно сообщить, что на школьном автобусе ездят только дети, и нецензурно выражаться в компании друзей.

Девочка одновременно осознает и не осознает свои попытки расстаться с детством. Подростки восхищаются ребятами постарше и отчаянно желают быть на них похожими. Я помню, что, когда училась

в девятом классе, наблюдала за ученицами старших классов, одетых в стиле Мадонны середины 1980-х. Они танцевали и пели Borderline под фонограмму во время школьного конкурса талантов. Они выглядели невероятно круто, и я помню, как в тот момент осознала свою нелепость и решила стать такой же. Но многое происходит за пределами сознания. Двенадцатилетняя девочка может делать домашнее задание по математике и размышлять, что при хорошем раскладе через 5–6 лет она покинет родительский дом. Желание стать независимой, избавиться ради этого от детских привычек появляется внезапно.

Майя пришла ко мне в офис, поскольку волновалась, что что-то действительно идет не так. Моя задача как психолога — относиться к тревогам родителей серьезно. Я задала Майе вопросы, которые позволили понять, что в поведении Камиллы нормально, а что — нет. Грубила ли она всем взрослым или только маме с папой? Как обстояла ситуация в школе и с друзьями? Были ли у нее внешкольные интересы? Хорошо ли она спала? Говорила ли о своих планах на лето или следующий год?

Майя подробно ответила на вопросы.

Учителя только и делали, что хвалили добрую и внимательную Камиллу. Девочка приглядывала за собаками соседей, и Майя слышала от них то же самое. Женщина рассказала мне, что ее дочь хорошо училась и у нее было нескольких близких друзей. Каждые выходные Камилла отправлялась на третий

этаж, который она превратила в тщательно обставленную квартиру для своих кукол. Хотя Майя подозревала, что девочка иногда брала ее телефон тайком по ночам, проблем со сном у нее не было. Она с нетерпением ждала поездки в летний лагерь и рассказывала о своих планах стать учителем или ученым.

Я убедила Майю в том, что ее друзья были правы: холодное поведение Камиллы было нормальным. Затем я предложила Майе посмотреть на перемены в характере дочери с другой стороны: девочке предстоит пройти семь шагов к взрослой жизни, и прощание с детством — один из них. Камилла делала именно то, чего мы ждем и даже хотим видеть в подростках. Она повторяла поведение своих ровесников по крайней мере с 1958 года. Тогда Анна Фрейд заявила, что типичный подросток живет «в доме, словно квартирант, как правило, настолько нетактичный, что вызывает тревогу у младших и старших членов семьи». Несмотря на то что подростки часто отстраняются от своей семьи, многие из нас испытывают потрясение из-за огромных перемен в отношениях с детьми.

Во время чтения этой книги вы будете часто сталкиваться с мудрыми высказываниями Анны Фрейд. Тому есть две причины. Во-первых, она занимает особое место в истории психологии, так как одной из первых сформулировала и ввела в обиход многие предсказуемые проблемы, возникающие в подростковом периоде. Безусловно, в основе книги лежат эти славные традиции. Во-вторых, она

занимает особое место в моем сердце, потому что благодаря ей я стала психологом.

Когда мне было шесть лет, мой отец на несколько лет переехал из Денвера в Лондон по работе. По случайному совпадению в тот же период в столицу переехала близкая знакомая нашей семьи. Карла, стройная аспирантка с огромной копной рыжих волос, отправилась в Лондон, чтобы учиться у Анны Фрейд. Мои родители фактически удочерили Карлу, и она приглядывала за мной, единственным ребенком в семье, когда на выходных они уезжали из города. Карла жила на севере города, рядом с учебной клиникой Анны Фрейд. Ее крошечная квартира состояла из гостиной, миниатюрной британской кухни, оформленной в стиле середины 70-х, тесной ванной и спальни с огромной кроватью, в которой мы спали вдвоем, когда я оставалась у нее. Чтобы включить радиатор на кухне, нужно было бросить в него монетку, и это быстро стало нашим привычным занятием на выходных. За неделю Карла откладывала несколько пенсов и разрешала мне бросать их в отверстие в радиаторе. Мы сидели на кухне, и я начинала забрасывать ее вопросами: «Почему дети проходят терапию? Что ты говоришь им? Что они говорят тебе? Как это общение помогает им выздороветь?» Карла была очень терпеливой и доброй ко мне. Вспоминая наши диалоги, я понимаю, что она полностью удовлетворила любопытство шестилетнего ребенка. Она ответила на все вопросы, связанные с ее работой.